

«ТОХАРСКАЯ ПРОБЛЕМА» И КУЛЬТУРА РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Сборник: „Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии” стр. 176-197

Леонид Сверчков
Узбекистан

П. Бернар – признанный во всем мире специалист по истории и археологии эллинистического Востока, но круг интересов нашего уважаемого юбиляра не ограничивается рамками какого-то одного хронологического периода и, тем более, не стеснен выбором научной тематики. Поэтому предлагаемая статья связана не с последними данными археологических исследований памятников эпохи эллинизма, как предполагалось, а с не менее интересными вопросами, ответы на отдельные из которых, как представляется, давно лежат на поверхности.

В последние десятилетия XX в. появился целый ряд научных трудов, посвященных проблеме происхождения и распространения индоевропейских языков. К сожалению, в подавляющем большинстве работ Средняя Азия вообще не рассматривается или, в лучшем случае, ей отводится роль географической зоны вторичного, если не третичного, порядка и только в связи с распространением индоиранских или иранских языков (1). Конечно, в таком контексте не может быть и речи ни о каких тохарах или, тем более, прототохарах в Средней Азии вплоть до 2-ой половины II в. до н.э., когда на территорию Греко-Бактрии вторглись племена «да юечжи». Известные по китайским хроникам юечжи большинством исследователей отождествляются с тохарами классических античных источников, хотя и со многими, вполне обоснованными оговорками (2). **Во всяком случае, название области на юге Узбекистана, Таджикистана и севере Афганистана – Тохаристан (кит. Ту-хо-ло), сохранившееся в названии современной афганской провинции Тахар, возникло много позже, не ранее конца IV в. н.э. и связано, вероятно, с приходом кидаритов – сая юечжи (малые юечжи).** В противовес большинству лингвистических исследований относительно роли и места Средней Азии имеется иное мнение, озвученное в известных трудах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Авторы пришли к заключению, что тохары вместе с носителями западноиндоевропейских диалектов в конце III–II тыс. до н.э. мигрировали из Северо-Западного Ирана именно через Среднюю Азию, на территории которой не позднее II тыс. до н.э. контактировали с носителями восточноиранского диалекта, разумеется, после распада индоиранского единства (Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 23–26; 1984, с. 371–428; 1989, с. 23–35; Иванов, 1992).

Среди археологов среднеазиатское направление в связи с возможностью перемещений прототохаров даже не обсуждалось, за исключением попытки Б. А. Литвинского на примере поселения и могильника Заманбаба увидеть проникновение в Среднюю Азию племен катакомбной культуры, которые, по мнению автора, могли быть предками тохаров (ИТН, 1963, с. 128). Во второй редакции «Истории таджикского народа» эта тема отражена уже несколько иначе: «Передвинувшаяся на восток прототохарская этническая общность едва ли была очень многочисленной, но все же она была достаточно велика чтобы, расселившись, занять почти весь Восточный Туркестан, а также обширные территории Средней Азии, в частности в Фергане» (Литвинский, 1984, с. 11). Можно предполагать, что в этой фразе содержится

отдаленный намек на тохарскую атрибуцию культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа, но в данном случае важна сама постановка вопроса. Существует ли возможность обнаружить археологические признаки присутствия тохаров в Средней Азии?

Думается, что надежда есть. Как бы скептически не относились некоторые специалисты по историческому языкознанию к сопоставлению древних диалектных общностей с той или иной археологической культурой, попытки подобного рода будут предприниматься вновь и вновь. Без этого история человечества превратится в схоластическую науку, сводящуюся исключительно к систематизации фактов, чередующихся в хронологическом порядке. Вопрос в том, насколько беспристрастно применяется принцип корреляции данных археологии и лингвистики (прежде всего, по ареальным признакам), отчего главным критерием должна быть не столько взаимная приспособляемость, сколько отсутствие или хотя бы минимальное количество противоречий.

Для того чтобы выбрать направление поисков, необходимо, в первую очередь, рассмотреть данные по археологии Синьцзяна, поскольку именно здесь были обнаружены письменные тохарские тексты.

Культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа Восточного Туркестана

Первые признаки постоянного проживания на территории Синьцзяна появляются около 2000 г. до н.э. Для эпохи бронзы (2000–1000 гг. до н.э.) К. Дебэйн-Франкфор выделяет 9 «культурных групп»: Гумугоу, Синтала, Вупу (объединяет два памятника), Нанвань (четыре памятника), Ордос, Калахэчжо, Халадун, Акэтала и Сидаогоу (Debaine-Francfort, 1988, с. 14–26). В эпоху железа (990 г. до н.э. – начало н.э.) здесь насчитывается 7 «культурных групп»: Чавухугоу, культура “Gushi” или “Jushi” (состоит из 3 подгрупп), Кээрмуци, культура “Сака/Saka” (два памятника), Сянбаобао, культура “Усун/Wusun” (шесть памятников), памятники периода правления династии Хань (могильник Шанпула и бронзовая пластинка т.н. «ордосского» типа) (Debaine-Francfort, 1989, с. 183–206).

К. Чен и Ф.Т. Хиберт называют пять главных районов сосредоточения археологических памятников Синьцзяна:

- 1) южные оазисы пустыни Такламакан в бассейне р. Талиму;
- 2) оазисы Восточного Синьцзяна;
- 3) речные долины северной окраины пустыни Такламакан;
- 4) памятники южных склонов Алтайских гор в Джунгарской долине;
- 5) долина верхнего течения р. Или в горах Тянь-Шань. На их территории имеются 10 «культур», 6 из которых относятся к раннему периоду (приблизительно 2000–1000 гг. до н.э.): Гумугоу, Янбулакэ, Адинху, Синтала, Халадун и Кээрмуци. Еще 4 «культуры» датируются началом I тыс. до н.э.: Сидаогоу, Чавухугоукоу, Канбакэ и горная “Сака/Saka” культура (Chen, Niebert, 1995, с.250).

Наиболее полноценная сводка всей имеющейся по археологии Синьцзяна информации приводится в книге Цзянцзун Мэя. Автор сразу оговаривает, что организация древних памятников по принципу «культура» или «культурная группа» носит чисто условный характер и вовсе не адекватно понятию «археологическая культура». Похоже, сам Цзянцзун Мэй больше придерживается географического принципа и рассматривает памятники Синьцзяна в соответствии с занимаемой ими территорией:

- 1) восточные предгорья Памира,
- 2) восток Таримского бассейна,

- 3) южные предгорья Тянь-Шаня,
- 4) Турфанский бассейн,
- 5) юг Таримского бассейна,
- 5) бассейн Хами,
- 6) северные предгорья и горные долины среднего Тянь-Шаня,
- 7) северо-запад Синьцзяна,
- 8) южные предгорья Алтая (Mei, 2000, с.

С учетом незначительных особенностей той или иной «культурной группы», в действительности на территории Синьцзяна выделяется три историко-культурные общности, что и было наглядно продемонстрировано К. Дебэйн-Франкфор (Debaine-Francfort, 2001, с. 58, рис. 1).

1. На территории Северо-Западного Синьцзяна в эпоху бронзы – раннего железа последовательно сменяют друг друга племена андроновского круга, затем приходит время сакской культуры, еще позже наступает черед культуры усуней.

2. Южную, западную и северо-западную окраины пустыни Такламакан занимают памятники «серой керамики», выделяемые А.-П. Франкфором в отдельную археологическую культуру Акэтала (Francfort, 2001).

3. В центральной части Синьцзяна, широтной полосой между пустыней Такламакан на юге и горами Тянь-Шань на севере, от Кучи на западе до бассейна Хами на востоке, включая восточные отроги Тянь-Шаня, разместились памятники культуры расписной керамики.

Дж. Мэллори и В. Мэйр удачно совместили распространение известных археологических комплексов с находками памятников тохарской письменности (Mallory & Mair, 2000, с. 301, рис. 160). Даже с учетом хронологического разрыва до написания первых тохарских текстов можно ясно видеть, что ареал распространения тохарских А и В языков (Куча, Карашар, Турфан) абсолютно совпадает с областью «культуры расписной керамики». В то же время «культура серой керамики» точно так же соответствует области государства Крорайна с его субстратным тохарским С языком, если, конечно, он действительно был тохарским, а не каким-либо иным древнеиндоевропейским диалектом.

Не менее интересный результат получается при обзоре распространения антропологических типов древнего населения Синьцзяна, хотя здесь принцип единого хронологического среза еще больше нарушен (Mallory & Mair, 2000, с. 240, рис. 138). При всех имеющихся погрешностях можно заметить, что в ареале культуры «серой керамики» преимущественно был распространен восточно-средиземноморский (индо-афганский) расовый тип. В могильниках «культуры расписной керамики» зафиксированы все физические типы европейской расы, а также немалый процент представителей монголоидной расы, особенно на восточных окраинах, но населения средиземноморского облика, насколько можно судить по имеющимся данным, там меньше всего.

Палеоантропологическое исследование населения Синьцзяна явно отстает от достижений новой научной дисциплины, биоархеологии. В результате генетического исследования образцов мумий эпохи поздней бронзы из Кизилчока (Qizilchoqa) в Хами П. Франкалаччи установил, что они входили в хаплогруппу “Н” при полном отсутствии признаков групп “Т” и “М”. Группа “Н” присуща европеоидному населению, заполняя почти половину митохондриального генного поля ДНК западноевропейского населения, но крайне редка у неевропеоидного, около 0, 25 %. Для сравнения, у французов и славян-боснийцев 48 %, у немцев 46, 3 %, у испанцев 45, 1 %, у русских 42 %, у шведов и финнов 40–41 %, в то время как, например, у саамов 4 %, у якутов и индусов 3 %. Генетические исследования китайских биологов показали начало

проникновения генных признаков, присущих восточноазиатскому (монголоидному) населению, в оазисы Таримского бассейна только со II в. до н.э. (Mair, 2005, с. 24–25), что полностью согласуется с данными китайских письменных источников.

В. Мэйр склонен считать, что мумии Тарима следует идентифицировать с носителями тохарских языков, доводов в пользу этого предположения гораздо больше, чем, скажем, доказательств их иранского или какого-то иного происхождения, с чем, конечно, полностью согласился Э. Пулльблэнк, как, впрочем, и большинство исследователей (Mair, 2005, с. 32–33; Pulleyblank, 1995, с. 415; Renfrew, 1998). Тем не менее, толика сомнений все равно остается: “We still do not know exactly who the mummies were, precisely where they came from, and what language(s) they spoke, but we are getting closer to the answers every day” (Мы еще не знаем точно, какие были мумии, именно там, где они взялись, и на каком языке, они говорили, но мы все ближе к ответам с каждого дня) (Mair, 2005, с. 36).

В поисках археологической культуры, созданной предками тохаров, предлагались абсолютно логичные построения, но в качестве посылок использовались факты в пределах собственного информационного поля. В итоге главный принцип научного познания – движение от известного к неизвестному – предопределил «сибирскую доминанту» по отношению к памятникам Синьцзяна. Отсюда происходит все объясняющая «афанасьевская гипотеза» и настойчивые попытки найти хотя бы минимальные признаки присутствия афанасьевцев в Синьцзяне (Даниленко, 1969, с. 234; Mallory, 1989, 62–63). Если даже нечто подобное обнаруживается, то значение этого явно преувеличивается, и часто отдельно взятые эпизоды используются в сомнительных, с точки зрения археологии, теоретических конструкциях (Anthony, 2007, с. 264–265, 311).

Исследователи иногда ссылаются на находки в Синьцзяне фрагментов керамики степного облика, которые периодически приписывают то афанасьевской культуре, то андроновской. Существование в северо-западной части Синьцзяна андроновских памятников, насколько известно, никто и не оспаривает (Chen & Hiebert, 1995; Mei & Shell, 1999). Никто не сомневается и в присутствии андроновского компонента в памятниках культуры расписной керамики, но с признаками афанасьевской культуры дело обстоит сложнее (Mei, 2000, с. 58–61). Упомянутые выше фрагменты керамики были найдены экспедицией А. Стейна вместе с микролитами на развеечных стоянках в бассейне Яркендарьи и в дельте Курукдарьи, на западе и юго-западе Синьцзяна (Stein, 1981, табл. XXII–XXIII).

По мнению С. П. Толстова, керамика и сопутствующий кремневый инвентарь являются типичными для кельтеминарской культуры (Толстов, 1948, с. 64). Новейшие исследования в этом районе, на поселении Сулэтанбаэ возле Кашгара (Suletangba'e), подтверждают указанный, кельтеминарский круг аналогий (Mei, 2000, с. 9, 59). По сути, в пользу афанасьевцев свидетельствует только антропологический тип отдельных групп древнего населения Таримской долины. Протоевропеоидный набор признаков людей, похороненных в могильнике Гумугоу, является главным аргументом сторонников присутствия афанасьевской культуры в Восточном Туркестане. Действительно, крупная, длинная и высокая голова, умеренно низкое и широкое, остро профилированное лицо и сильно выступающий нос присущи населению евразийских степей эпохи бронзы (Алексеев, 1992, с. 393), но не следует забывать о кельтеминарской культуре, для которой характерен точно такой же расовый тип. Развернутое обоснование «афанасьевской гипотезы» предложено в работах Вл. А. Семенова и В. А. Посредникова. Вл. А. Семенов называет крайним юговосточным памятником афанасьевской культуры могильник Шатар-Чулуу, что «свидетельствует о продвижении какой-то группы афанасьевцев в глубинные районы Монголии». На

южном направлении к афанасьевским древностям автор безоговорочно относит материалы из могильников, расположенных на севере и юго-востоке Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР: Кээрмуци в уезде Алтай и Гумугоу близ озера Лобнор. По мнению В.А. Семенова, это означает, что афанасьевцы из Минусинских степей или Алтая распространились в Туву, затем в Монголию, где «могли вступить в контакт с культурами восточно-азиатской расписной керамики, памятники которой в небольшом числе открыты в Южной Гоби». Предполагается также возможное участие европеоидной афанасьевской культуры в сложении культур Цицзя в Китае и Окунево в Саяно-Алтайском нагорье. Окуневская культура и культура расписной керамики Синьцзяна рассматриваются автором как сохранившиеся остатки древнего афанасьевского населения, связанного происхождением с восточноевропейским энеолитом, и, соответственно, афанасьевцы являлись носителями прототохарских языков (Семенов, 1993, с. 26–29).

Позже А. В. Варенов подверг тщательному анализу материалы из 32 коллективных захоронений в каменных ящиках близ Кээрмуци и датировал их XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н.э. (Варенов, 1999, с. 53–56)³. Во второй, более развернутой статье А. В. Варенов обращается к вопросу, на основании чего могильник Гумугоу считается «афанасьево-андроновским», а Кээрмуци, по мнению Ю. А. Заднепровского и Вл. А. Семенова, входит в круг афанасьевской культуры. В. И. Молодин и С. В. Алкин уже тогда не признали афанасьевскую или андроновскую природу материалов из Гумугоу, однако могильник Кээрмуци, а также Сыдуйтуццо возле Урумчи, сочли афанасьевским. При ближайшем рассмотрении археологических материалов и правильном переводе китайских терминов выяснилось, что конструкция могильных сооружений и погребального обряда, аналогии керамике, бронзовым и каменным изделиям (в том числе каменным наконечникам стрел) не дают оснований для сопоставления с памятниками афанасьевской культуры. В итоге А. В. Варенов призвал «с осторожностью подходить к безоговорочному включению всего Северного Синьцзяна в ареал распространения классической афанасьевской культуры» (Варенов, 1998, с. 60–65).

Таким образом, археологический поиск в бассейне Тарима культур, генетически восходящих к афанасьевской культуре, успехом не увенчался. Возможно, поэтому не так давно А. А. Ковалев предпринял попытку иного рода. На примере более чем 300 бронзовых предметов из Южной Сибири, Монголии и Синьцзяна, обладающих едиными типологическими признаками, автор выделяет некую общность под условным названием «культура Чаодоугоу» (XIII–XI вв. до н.э.).

«Чаодоугоу» являлась «мощным центром металлообработки с устойчивыми традициями, производившим определенный набор предметов вооружения и украшений на протяжении нескольких веков» (Ковалев, 2004, с. 250–255). Местные истоки такой традиции отсутствуют, к тому же комплекс «Чаодоугоу» отличается от собственно китайского (Шан-Инь), восходящего, по мнению автора, к сейминско-турбинской общности. А. А. Ковалев обращается к гораздо более ранним, широко известным материалам Западного Ирана конца III – начала II тыс. до н.э., где имеются прямые и многочисленные аналогии изделиям «Чаодоугоу». Появление и распространение изделий переднеазиатского типа в Китае автор связывает не с диффузией культурной традиции, а с миграцией ее носителей, поскольку никаких промежуточных памятников этого типа в Средней Азии не обнаружено.

Следовательно, как пишет А. А. Ковалев, имеются все основания предположить, что «культура Чаодоугоу» принадлежит потомкам протохаров, вышедшим, по теории В. Б. Хеннинга и Вяч. Вс. Иванова, из Иранского Загроса. В качестве дополнительного аргумента автор приводит известные лингвистические соображения, трактующие

некоторые особенности тохарского языка влиянием дравидского, неотличимого от угро-финского из-за их тесной генетической связи (Ковалев, 2004, с. 261–270).

В отличие от западных исследователей, китайские археологи, как правило, заняты выявлением связей памятников Тарима с древними культурами Великой Китайской равнины. Как и в предыдущем случае, никто не отрицает существования контактов и взаимовлияния двух ареалов, особенно в восточной части Синьцзяна, но сводить происхождение культуры расписной керамики Тарима к прямому воздействию позднего Яншао (4000–3000 гг. до н.э.) или Мацзяо (3300–2000 гг. до н.э.) не вполне корректно. Есть несомненное сходство археологических комплексов памятников Тарима с материалами культур эпохи поздней бронзы на территории провинций Ганьсу (Gansu) и Цинхай (Qinghai). Это касается форм сосудов, особенно с ручками, типов орнамента, мотивов росписи (спираль), но фактор взаимовлияния характерен больше для контактной зоны на крайнем востоке Синьцзяна: памятников Хами, с одной стороны, и культурой Сиба (Siba Culture), с другой, что подтверждается и антропологическими данными. Далее к западу круг аналогий сокращается, да и в восточном направлении сходство уменьшается (Li, 2002; Wagner, 2001). Не правильнее ли будет говорить, что в районе восточного Синьцзяна – Западного Ганьсу сошлись два встречных этнокультурных импульса, две традиции расписной керамики, и, безусловно, китайская культура Сиба (1950–1550 гг. до н.э.), возникшая в контактной зоне, обязана своим происхождением синтезу или, точнее, наложению двух сфер влияния.

По поводу определения места культуры Таримского бассейна в системе евразийских связей существует компромиссная точка зрения, которая совмещает северный и восточный вектор. По мнению К. Дебэйн-Франкфор, источник происхождения расписной керамики в Синьцзяне восточный, из Китая, в то время как металлургическая традиция отражает северное, степное влияние (Debaine-Francfort, 2001, с. 67). В чем-то эта точка зрения близка мнению Э. Пуллиблэнк, который исходит из того, что тохары всегда располагались восточнее индоиранцев, и, следовательно, следы их присутствия надо искать в доисторических культурах Китая. Далее автор подчеркивает, что в исторический период для Китая ближайшими представителями индоевропейской семьи были тохары, поселившиеся на северной окраине Таримского бассейна не позднее арийского вторжения в Индию во II тыс. до н.э. и даже еще раньше. Поэтому Э. Пуллиблэнк предположил, что тохары создали археологическую культуру Цицзя (2300–1800 гг. до н.э.), охватывающую территорию от восточной части Ганьсу до провинции Цинхай (Pulleyblank, 1966, с. 14, 29, 35; 1983, с. 457–458), однако культура Цицзя далеко на запад никогда не распространялась, а северную окраину Таримского бассейна изначально занимали памятники культуры расписной керамики.

В то же время, переключив внимание с восточного и северного направлений на запад, легко можно обнаружить совершенно идентичные таримским «культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа».

Культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа Западного Туркестана

Впервые археологический комплекс, включавший внешне грубую расписную посуду, был выявлен в верхних слоях холма Анау в северных предгорьях Копетдага экспедицией Р. Пампелли и Х. Шмидта и обозначен как «эпоха варварской оккупации» (Pumpeilly, 1908). После раскопок Яздепе и установления его периодизации по отношению к «варварской» культуре в научный оборот вошло название Яз I или культура Окса раннего железа (см. Кузьмина, 1972; 2008, сс. 281–321). На раннем этапе

исследований основное внимание уделялось южному и юго-западному направлению связей комплекса Яз-депе I, поскольку памятники Северного Ирана эпохи раннего железа тогда были изучены несравненно лучше (Массон, 1959, с. 44–48). Там расписная керамика исчезает около сер. II тыс. до н.э., но в 1-ой половине – середине I тыс. до н.э. появляется вновь (Погребова, 1977, сс. 160, 162), и, может быть, отчасти поэтому период Яз I датировали 900–650 гг. до н.э., а более архаичное Чустское поселение – 2-й половиной II тыс. до н.э. (Массон, 1959, сс. 48, 115).

Аналогии между материалами Яздепе и Чуста несомненны, и по мере обнаружения все новых и новых памятников типа Яз I сложилась концепция о поэтапном расселении ее носителей из Ферганы в оазисы района Амударьи, Мургаба и еще южнее (Casal, 1961; Заднепровский, 1962; Аскарлов, 1979; 1981). Другая концепция предполагала обратное направление – из Иранского Хорасана на восток и север: в Мундигак и Тиллятепе в Афганистане, оттуда в Кучуктепа и Бандыхан в Южном Узбекистане (Сарианиди, 1977; 1981). Когда стали известны новые, калиброванные даты периода Яз I – около 1500–1000 гг. до н.э., дискуссия, похоже, утратила свой смысл, поскольку в целом подтвердилась синхронность памятников Яз I и чустской культуры Ферганской долины (4). Казалось бы, верх одержали приверженцы нейтральной позиции, которые отвергали наличие общих истоков чустской культуры и культуры Яз I, объясняя их сходство конвергентными процессами, происходившими преимущественно на базе развития автохтонных предшествующих культур (Массон, 1959, с. 116; 1989; Хлопина, Хлопин, 1976; Сагдуллаев, 1985; 1989; Francfort, 2001). В последние годы география памятников круга Яз I существенно расширилась, но, как точно подметил 20 лет назад А. С. Сагдуллаев, проблема происхождения археологических, а не просто «керамических», комплексов типа Яз I еще очень далека от однозначного решения (Сагдуллаев, 1989, с. 63).

Существует еще один аспект исследования общности расписной керамики Средней Азии эпохи раннего железа, связанный с ее лингвистической атрибуцией. Пикантность ситуации заключается в том, что создание общности Яз I приписывается восточноиранским племенам. Вне связи с памятниками Ферганской долины утверждается, что носители культуры Яз I говорили на восточноиранских языках, отделяясь на западе пустыней Деште-Кевир от носителей западноиранских диалектов – создателей культуры серой керамики. Правда, сам автор теории несколько недоумеует по поводу того, что в Маргиане, т.е. на территории восточноиранской культуры Яз I, позже распространился западноиранский парфянский язык (Массон, 1984, с. 9). Не приводится никаких объяснений по поводу того, каким образом произошла кардинальная трансформация абсолютно всех составляющих материальной культуры, состава стада и даже антропологического типа представителей северной степной культуры эпохи поздней бронзы. Благозвучный, но не вполне корректный в данном случае термин «седентаризация» является, похоже, попыткой ухода от археологических реалий.

Среднеазиатские археологи, которые занимались сравнительным исследованием материалов Яз I, чустской культуры Ферганской долины и бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, давно обратили внимание на многочисленные и разнообразные аналогии с культурой расписной керамики Синьцзяна, в частности, с памятниками Тарима (Киселев, 1960, с. 253; Заднепровский, 1962, с. 107; 1997, с. 96–98; Masson, Sarianidi, 1972, сс. 164–165; Литвинский, 1981, с. 159–160; Антонова, 1984, сс. 57–58; Kohl, 1984, сс. 189–191). Этот факт подтверждают также китайские исследователи, в последнее десятилетие существенно активизировавшие археологические изыскания в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР. Предполагается даже, что такое важное технологическое достижение как производство черных металлов было заимствовано

населением Восточного Туркестана из Ферганы (Mei, 2000, сс. 67–69; Mei, Shell, 2002, сс. 229–230). Впрочем, А.-П. Франкфор отвергает саму мысль о существовании каких-либо родственных связей между культурами Ферганы и бассейна Тарима на том основании, что между памятниками чувстской культуры и южных предгорий Тянь-Шаня расположена культура Акэтала, которой присуща исключительно серая, а не расписная керамика (Francfort, 2001, сс. 228–229, 232). Однако надо вспомнить, что сравнению подлежит не только керамика, а весь археологический комплекс в совокупности. К тому же, помимо полной идентичности каменных изделий Ферганы и Акэтала, в четырех поселениях чувстской культуры (все на востоке Ферганской долины), кроме расписной посуды, имеется и черно-сероошеченная, и просто серая керамика (Заднепровский, 1962, с. 28; 1997, с. 51).

Не вернее ли будет рассматривать чувстскую культуру Ферганы вместе с родственной бургулюкской культурой Ташкента просто как локальный, западный вариант единой с Таримом культурно-исторической общности расписной лепной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа (5)? Представляется, что проблема разделения общего пространства с единообразным археологическим комплексом носит скорее историографический характер, обусловленный хронологией исследований, различными методологическими установками и современными административными границами. С другой стороны, все сказанное в полной мере относится и к вопросу о взаимосвязи памятников круга Яз I с культурами Синьцзяна, Ферганы и Ташкента. При этом, как ни парадоксально, иногда круг аналогий Яз I с бургулюкской культурой и отдельными комплексами Синьцзяна шире, чем с Чустом. По мере выявления на территории Среднеазиатского междуречья все большего числа памятников или, как правило, слоев, относящихся к сообществу культур расписной керамики эпохи раннего железа (6), яснее понимается, что северо-восточный и южный его ареалы никак нельзя считать обособленными.

Как правило, среднеазиатские археологи давно пришли к такому выводу. Разумеется, проблему генезиса культуры лепной расписной керамики не решить вне элементарных археологических задач – стратиграфии, периодизации и хронологии каждого отдельно взятого памятника общности расписной керамики. Подавляющее большинство поселений периода Яз I перекрыто поздними архитектурными сооружениями и слоями, как правило, ахеменидского времени (VI–IV вв. до н.э.). Зачастую происхождение материалов просто не поддается определению, а соотнесение архитектурных остатков со временем Яз I позже не подтверждается. В качестве примера можно назвать крупнейшее в верховьях Кашкадарьи поселение Узункыр, на поверхности которого найдена расписная керамика типа Яз I, но обводная стена, как позже выяснилось, была построена при Ахеменидах, в середине I тыс. до н.э., а к периоду Яз I относятся только нижние слои цитадели (Лушпенко, 1990, с. 27).

Сама по себе расписная керамика, тем более без четкого археологического контекста, никак не может служить хронологическим признаком, иногда она встречается и в позднеахеменидских материалах Северной Бактрии. Вне пределов Ахеменидской империи, например, в Фергане и Ташкенте, культура лепной расписной керамики сохранялась значительно дольше. Показателен пример бургулюкской культуры, которую ее главный исследователь, уважаемый Х. Дуке датировал IX–VII вв. до н.э., но указал, что «...что не снимает оговорку относительно условности и предварительности подобной даты, ибо археологические исследования на поселениях бургулюкской культуры еще не завершены» (Дуке, 1982, с. 71–72). Вполне возможно, что, как предполагает М. И. Филанович, на Шаштепа бургулюкская культура продолжала бытовать еще в VI–IV вв. до н.э. и вплоть до появления сарматоидной культуры Каунчи в III–II вв. до н.э. (Филанович, 1982, с. 121)⁷. В Ферганской долине

чустскую культуру наследуют ее продолжатели – эйлатанская и шурабашатская, которым тоже присущ обычай украшения сосудов росписью (сер. I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Встречается расписная керамика и в комплексах раннего средневековья, особенно на севере Ферганской долины, и в Синьцзяне ситуация, насколько известно, сходна с ферганской (8).

К сожалению, мы не имеем радиоуглеродных дат для многочисленных памятников Кашкадарьи и бургулюкской культуры Ташкента. Для долины Заравшана есть единственная дата для нижнего комплекса городища Коктепа – 690 ± 50 г. до н.э. (Исамиддинов, 2002, с. 64). Можно, конечно, с известной долей скепсиса воспринимать калиброванные данные анализа по C14, но когда имеешь дело с удивительно консервативной культурой с практически не поддающимися выявлению изменениями археологического комплекса, в том числе самого массового керамики, иного способа выстроить хотя бы относительный хронологический ряд попросту не существует. С другой стороны, хотелось бы предостеречь от повального увлечения новейшими естественнонаучными методами, что может привести к произвольному и часто необоснованному углублению хронологии памятников. Если когда-то комплексы с лепной расписной керамикой в основном датировали началом I тыс. до н.э., то теперь – 2-ой половиной II тыс. до н.э., хотя, как видно на примере образца из Коктепа, это не всегда и не везде соответствует действительности. Понятно, что для каждого конкретного памятника должна быть своя конкретная хронология, и в случае с общностью лепной расписной керамики принцип формальных аналогий, тем более только керамики, не всегда срабатывает.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ генезиса культур юга и северо-востока Центральной Азии, приведем один небольшой, но конкретный пример разительного сходства двух археологических комплексов. Первый из них происходит из последних раскопок крупнейшего на юге Узбекистана памятника периода Яз I – Майдатепы (Бандыхан I), исследования которого в начале 70-х гг. проводили Э. В. Ртвеладзе и А. С. Сагдуллаев (Ртвеладзе, 1976; 2007). В 2005 г. совместно с Германским Институтом археологии (DAI) работы были возобновлены на единственно доступном для раскопок месте – приземистом холме, полукольцом охватывающем «цитадель» с запада (9). В раскопе размером 20×10 м открыты остатки домовладения, которое неоднократно перестраивали. По стратиграфии выделено 5 этапов, датируемых по C14 1400–1000 гг. до н.э. (Görsdorf, 2007, с. 132). Спустя какое-то время после того, как поселение было оставлено, на его поверхности появляются ямы с типичной для ранней стадии периода Яз II керамикой.

Для каждого из пяти исследуемых этапов удалось получить полноценный археологический комплекс, который, надо сказать, остался практически неизменным на всем протяжении существования поселения. На этапах 1–3, как и на более поздних этапах 4–5, отмечается тот же стандартный бытовой инвентарь, сохраняются те же строительные приемы, что ясно свидетельствует о невероятном консерватизме и безоговорочной преемственности традиций носителей культурной общности Яз I. Количество фрагментов сосудов с росписью красной, коричневой, красно-коричневой, реже черной красками по светлому фону составляет около 9 %. В керамическом комплексе Майдатепы имеются фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге в манере БМАК (около 10 % от общего количества), которые обнаружены в слоях, относящихся ко всем пяти этапам существования поселения. Однако в нарушение керамической традиции, восходящей к бактрийско-маргианскому археологическому комплексу, унаследованной и продолжающейся в период Яз II, станковые сосуды Майдатепы являются точными копиями лепных (10).

Аналогичный бандыханскому археологический комплекс происходит из раскопок поселения и могильника Синтала (Xintala), а также могильника Куху (Quhui), расположенных на северо-восточной окраине Таримской впадины близ города Янки (Карашар). Синтала занимает площадь размером около 4 га (высота 5 м), размер могильника не установлен и раскопки его не проводились. В Куху было найдено несколько разрушенных погребений, но конструкция их не поддается определению.

В результате археологических исследований на поселении Синтала стало известно об использовании в строительстве сырцового кирпича размером 42'21'11 см, что является одним из самых ранних свидетельств его применения в Синьцзяне. В гончарной продукции из поселения наблюдается сочетание двух традиций. Первая представлена керамикой с росписью красно-коричневой краской по светлому фону (11), орнамент геометрический – треугольники, сетки, зигзаги и волнистые линии. Сосуды другого типа, черно-коричневого цвета с примесью дресвы в тесте, менее распространены, чем первые. Они украшались штампом и насечками: орнамент в виде треугольников, елочек и линий оформлял венчик и горловину сосуда, что является характерным признаком керамики андроновской культуры. По описанию не вполне понятно, происходят эти фрагменты из одного слоя с расписной керамикой или предшествуют ей, но вероятнее второе. Найдены также два каменных т.н. «серпа чувствского типа», зернотерки, терочники, ступки, пестики, мотыги, а также полированный топор из привозного нефрита. О знакомстве с металлообработкой меди свидетельствуют находки каменной литейной формы, бронзового ножа, фрагмента медного сосуда, среди подъемного материала имеется бронзовый кельт сеймино-турбинского типа. При раскопках поселения найдены зерна проса (*Setaria italica*), радиоуглеродный анализ которых показал возраст 1680–1490 гг. до н.э., анализ угля позволил установить вторую дату – 1700–1470 гг. до н.э. В целом, время обживания поселения Синтала относится к периоду около 1690–1425±150 гг. до н.э. (Debaine-Francfort, 1988, с. 16–18; Chen & Niebert, 1995, с. 265, 267; Заднепровский, 1997, с. 96–98; Mei, 2000, с. 10).

Археологические комплексы поселений Синтала и Майдатеп (Бандыхан) идентичны, совпадает даже размер сырцовых кирпичей. Подобное совпадение трудно признать случайным, а, учитывая синхронность запустения поселения Синтала и появления Майдатепы около 1400 г. до н.э., трудно избавиться от мысли о взаимосвязи этих двух событий. Как представляется, на примере этих двух поселений отчетливо прослеживается не просто какой-то случайный, пусть даже очень высокий уровень контактов между культурами Синьцзяна и юга Средней Азии, а прямое переселение древних обитателей Синтала в Бандыхан. Археологов вряд ли смутит единственное отличие в керамическом комплексе двух памятников – тот процент керамических изделий, которые в Синтале представлены фрагментами посуды андроновского типа, а в Майдатепе – бактрийско-маргианского (БМАК). Напротив, этот факт прекрасно демонстрирует влияние соседних культур: в Синьцзяне таковыми являлись андроновцы, в Сурхандарье – носители традиций БМАК.

Можно только с большой долей уверенности утверждать, что контакты с теми и другими носили совершенно мирный характер. Говоря о причинах столь дальнего переселения, в первую очередь, конечно, мы должны назвать тот глобальный экологический кризис, который разразился в степной зоне Евразии в последней трети II и продолжался до начала I тыс. до н.э. (Яблонский, 2005, с. 778). Как установлено палеоклиматическими исследованиями в Северо-Восточном Китае, один из пиков климатических колебаний приходился приблизительно на 1400 г. до н.э. (Tarasov, Jin, Wagner, 2006, с. 298). Но если климат северо-востока КНР в этот период был степным, то Тарим около 1400 г. до н.э., вероятно, как и сегодня, представлял собой пустыню и

полупустыню. В качестве нового пристанища переселенцы из Синтала облюбовали верхнюю дельту Бандыхансая (Байсунсая) как знакомую и привычную для них до наступления засухи экосистему. Но около 1000 г. до н.э. поселение Майдатеп (Бандыхан I) без всяких видимых причин было оставлено, нет никаких признаков пожара, каких-то следов разрушений природного или военного характера.

Возможно, жители ушли обратно на север в широком значении этого слова – от долины Кашкадарьи до Синьцзяна.

Археологические комплексы Яз II и Яз I: Иран и Туран

После относительно недолгого периода запустения жизнь в Бандыхане возрождается, но ей соответствует совершенно иной археологический комплекс, известный под названием Яз II. В это время возле Майдатеп (Бандыхан I) появляется поселение Бектепа (Бандыхан II), в двух нижних слоях которого обнаружена керамика, генетически связанная с традицией культуры Бактрии–Маргианы эпохи средней бронзы. В частности, вновь появляются сосуды с конической придонной частью, полностью отсутствовавшие в период Яз I, когда станковые сосуды тоже изготавливались (около 10 %), но форма их, в подражание лепным, была сферической. Венчики горшков имеют характерный клювовидный профиль, что считается отличительной особенностью комплекса Яз II. Количество лепной посуды, изготовленной уже в иной манере, чем в период Яз I, резко сокращается (около 23 %), росписи нет. В следующем слое лепной керамики еще меньше, около 16 %, и, наконец, наряду с клювовидными, уже появляются манжетовидные венчики, получившие широкое распространение с VIII по IV в. до н.э. Комплекс и, соответственно, период Яз II занимает промежуточное положение между нижними слоями с лепной расписной керамикой периода Яз I и вышележащими слоями с характерными баночными сосудами предахеменидского и ахеменидского времени. Для датировки нижнего слоя Бектепа мы имеем две калиброванные радиоуглеродные даты, определенные в лаборатории г.Киль (Германия): 929–822 гг. до н.э. – из нижней части и 900–800 гг. до н.э. – из верхней. Наибольший интерес представляет тот факт, что типичная керамика периода Яз II, причем раннего этапа, найдена при раскопках городища Нади-Али в Афганском Сеистане (Ghirshman, 1939, с. 19, рис. IV, N.A. 75). Мы не можем знать, из каких слоев происходят образцы керамики периода II Нади-Али, представленные в публикации Р. Гиршмана, но в ней отчетливо прослеживаются три компонента: Яз I, марликская культура (или архаического Дахистана) и Яз II. Первая представлена расписной посудой; вторая – черно-серой и, в частности, характерным носиком-сливом с перемычкой; третья – крупным сосудом с характерной для Яз II формой венчика и тулова¹². Даже в таком, не вполне ясном контексте находка керамики типа Яз II в Нади-Али имеет крайне важное значение, поскольку Сеистан в зороастрийской традиции занимает особо выдающееся положение (Gnoli, 1980, с. 129–136; 1989, с. 46). Руины древнего города Нади-Али близ впадения реки Хильменд в озеро Хамун, которые исследовал Р. Гиршман и которые он датировал VIII в. до н.э., многими историками с полным на то правом отождествляются со столицей царства «ранних кави» (ИТН, 1998, с. 242).

Как следует из анализа археологических материалов, на юге Средней Азии существует археологически установленная последовательность развития археологических комплексов от бактрийско-маргианской культуры до ахеменидского периода. Оставляя в стороне проблему этнической атрибуции бактрийско-маргианской культуры на начальном этапе, носители БМАК в конечном итоге стали ираноязычными, и процесс этот начался, судя по всему, с продвижения на юг

андроновских племен. Иного объяснения генетической связи комплексов БМАК–Яз II–Яз III среднеазиатские археологи не видят, что, собственно, еще 40 лет назад пытался объяснить Б. А. Литвинский (Литвинский, 1967, с. 125–126). Но комплекс Яз I является в Бактрии и Маргиане совершенно инородным явлением, вклинившимся в естественный процесс развития местной культуры во 2-ой половине II тыс. до н.э.¹³ Если принять допущение, что носители крайне самобытной и невероятно консервативной культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа были в языковом отношении древнеиранскими племенами, это вступает в неразрешимое противоречие со всеми имеющимися фактами, лингвистического, археологического и, если угодно, антропологического порядка (14).

Знающая в целом археологические материалы Средней Азии уважаемая Е. Е. Кузьмина, обратив внимание на находки в слоях памятников периода Яз I подгорной полосы Копетдага фрагментов так называемой «валиковой керамики», настаивает на идентификации восточных иранцев с КВК – культурой валиковой керамики (Кузьмина, 2006, с. 179; 2008, с. 327–328). В Бандыхане, в комплексе из Майдатепы (период Яз I) среди нескольких десятков тысяч фрагментов найден только один фрагмент с налепным валиком, что для статистики равно нулю, хотя для гуманитариев является свидетельством если не прямых, то косвенных контактов, но на поселении Бектепы (период Яз II раннего этапа) нет ни одного. В интересующей нас зоне общность КВК представлена бегазы-дандыбьевской культурой Казахстана и близкой ей амирабадской культурой Южного Приаралья, т.е., по сути, в эпоху поздней бронзы – раннего железа общность приблизилась только к дальней северной окраине среднеазиатского региона. Тем не менее, контакты севера и юга, конечно, были, а уровень их интенсивности (где-то больше, где-то меньше) хорошо виден по находкам валиковой керамики в археологических комплексах различных памятников Среднего Востока, в том числе Ирана и Афганистана. Е. Н. Черных в специальной статье, посвященной проблеме общности КВК, видит в распространении валиковой керамики признаки расселения индоиранцев или иранцев, но указывает, что истоки КВК находятся далеко на западе, в т.н. «фракийской» зоне и уходят корнями в эпоху ранней бронзы. На севере Балкан и в Карпатском бассейне традиции культуры валиковой керамики сохраняются на протяжении всего бронзового и раннежелезного века и наследуются, к примеру, гето-дакийской культурой рубежа нашей эры (Черных, 1983, с. 96–97).

Трудно представить, что восточноиранский скифо-сарматский мир сформировался на базе культур валиковой керамики, имеющей явно западное происхождение, но отрицать участие КВК в сложении иранской или, точнее будет сказать, западноиранской языковой общности, наверное, нельзя, как, впрочем, и фракийской тоже.

Как следовало ожидать, рассмотрение проблемы комплексов Яз I и Яз II выходит из плоскости чисто археологической и затрагивает невероятно сложные и запутанные аспекты истории происхождения и географии древних иранцев. Конечно, никто не предлагает банальное уравнение «комплекс керамики Яз II = восточные иранцы», что выглядит довольно абсурдно, но хронология Бектепы и новые археологические данные, хотим мы того или не хотим, заставляют переосмыслить сложившиеся представления и еще раз перепроверить многие, казалось бы, абсолютно устойчивые представления.

Первый вывод, к которому мы поневоле приходим, состоит в том, что комплекс Яз II, аналогичный бандыханскому, распространен практически в центре той загадочной территории, которая после научного провала «теории Большого Хорезма» соотносится с «Арьянэм-Вайчах» – ареалом расселения племен, говоривших на авестийском иранском (уст. зэндском) языке, не восточноиранском, но, возможно, с некоторыми его элементами. Как бы не хотелось некоторым исследователям, комплекс

Яз II, подобный бандыханскому, к северу от Гиссарского хребта, в Согдиане, до сих пор не выявлен, в чем нет ничего удивительного, поскольку северные земли означали территорию Турана – извечного противника и антипода Ирана. Второй вывод, соответственно, таков: создатели комплекса Яз II начала I тыс. до н.э. – это потомки создателей БМАК, ассимилированных ариями–андроновцами, подвергшиеся затем языковому воздействию других древнеиранских племен, возможно, уже носителей восточного диалекта древнеиранского. Таким образом, для культуры Яз II, распространенной на территории будущих Бактрии и Маргианы, в археологии юга Средней Азии не существует иной альтернативы, кроме признания ее древнеиранской, точнее, авестийской иранской.

Конечно, арианизация и иранизация населения Средней Азии, как и любой другой процесс такого сложного порядка, происходила скачкообразно и неоднородно. В один и тот же отрезок времени могли сосуществовать как неиранские группы населения, так и носители иранских языков и диалектов различной степени развития, а также, разумеется, арийских и индоиранских языков. Но есть один момент, на который хотелось бы обратить особое внимание – это относительно быстрая по историческим меркам скорость языковой ассимиляции, что свидетельствует в пользу близкого родства языков пришлого и местного населения, обусловленного, надо полагать, принадлежностью к одной, индоевропейской семье.

Для Е.Е. Кузьминой все народы, упомянутые в Яште XIII «Авесты»: арии, туры, сайрима, сайни и дахи – несомненно, были родственными иранскими племенами (Кузьмина, 2008, с. 332), но так ли это в действительности? Если у археологов и антропологов возникают сомнения во «всеобщей ираноязычности» евразийских степей эпохи раннего железа (Яблонский, 2005, с. 788), как, впрочем, и любой другой моноэтничности, то что говорить о населении Средней Азии, издавна отличавшегося необыкновенной пестротой этнического состава. В любой исторический период здесь можно было наблюдать прямое воздействие или, по крайней мере, отголоски всех без исключения цивилизаций Евразии – от средиземноморской и ближневосточной до китайской и индийской. Представляется, что и в эпоху поздней бронзы – раннего железа ситуация мало отличалась от известного по письменным источникам этнического многообразия. Возвращаясь к проблеме этнической атрибуции общности культур расписной керамики, можно смело утверждать, что доводов в пользу признания ее тохарами или, точнее, прототохарами намного больше, чем, скажем, древними иранцами.

Появление племен расписной керамики в бассейне Тарима в конце III тыс. до н.э. – тема отдельного исследования, но с тех самых пор народ, создавший эту археологическую культуру, проживал на одной и той же территории вплоть до появления текстов, написанных на тохарских языках. Ферганская долина, возможно, также являлась частью ареала первичного заселения, это покажет более пристальное исследование памятников чустской культуры, не только поселения Чуст и городища Дальверзин, но и многих других. Приблизительно в середине II тыс. до н.э. произошел отток какой-то части населения Таримского бассейна на запад и юго-запад. Похоже, именно с этим процессом связано появление бургулюкской культуры Ташкентского оазиса и, как, надеюсь, показал пример Бандыхана, возникновение первых поселений общности Яз I на юге Средней Азии.

В целом исторические события конца II тыс. до н.э. напоминают ситуацию с миграцией «больших юечжи» в конце II в. до н.э. – тот же маршрут, те же территории, в конечном счете, потомки тех же народов. Судя по археологическим и антропологическим данным, население Синьцзяна II тыс. до н.э., как и II в. до н.э., тоже не отличалось этническим однообразием, так что в распространении культуры

расписной керамики эпохи бронзы – раннего железа, надо полагать, принимали участие не только тохары, но и еще какие-то, неведомые нам народы.

Аналогичен также ход последующих событий: как Сасанидская империя, подчинив Кушанскую империю в III в. н.э., приблизила свои северные границы к Согдиане, так в начале I тыс. до н.э. Иран начал свое наступление на Туран, продолжившееся при Ахеменидах и закончившееся на берегах Яксарта – Сырдарьи. В тех землях, что подпали под власть Ахеменидской империи, распространился археологический комплекс Яз III, на неподвластных территориях – Ташкенте, Фергане и, конечно, Синьцзяне, культура расписной керамики видоизменяется, но продолжает свое существование (15).

Вполне вероятно, что расселение племен общности расписной керамики в конце II тыс. до н.э. далеко на юг от Амударьи нашло свое отражение в «Авесте», где сказано о захвате когда-то царем Турана Афрасиабом всей страны ариев – «Арьянэм-Вайчах». Согласно пехлевийской традиции, Афрасиаб даже проводил строительные работы в Сеистане, в том числе возле легендарного озера Хамун (ИТН, 1998, с. 243). О бесконечном противостоянии Ирана и Турана захватывающе повествует Фирдоуси в эпическом сказании «Шахнаме» (16). В одной части «Книги царей» можно найти образ Тохара – советника сына Сиавуша Форуда, возглавлявшего туранское войско против Кей-Хосрова, в другой – Тохар является владельцем Дехистана и доблестным воином Кей-Хосрова на войне с владыкой Мекрана (Фирдоуси, т. II, с. 388–407; т. III, с. 356, 461). На первый эпизод обратил внимание Б. А. Литвинский, как и на то, что в «Шахнаме» указано довольно точное месторасположение города Сиавушгерд – к востоку от Хотана. Затем автор, как всегда, предельно обстоятельно дает разъяснение по поводу ошибочной, по его мнению, локализации Сиавушгерда в стране тохаров (ИТН, 1998, с. 630, сноска 264; с. 633, сноска 309). Сиавушгерд (Гангдиз/Кандхиз), по мнению Б. А. Литвинского, располагался там же, где и столица Афрасиаба, в центральной области Турана под названием Кангха или Канг, в районе низовьев Сырдарьи (ИТН, 1998, с. 630, сноска 264; с. 633, сноска 309).

Трудно спорить, но, похоже, такая окраинная локализация является отголоском все той же «теории Большого Хорезма», яростным противником которой является сам Б. А. Литвинский. Абсолютно непонятно, почему почти все значимые исторические события начала I тыс. до н.э. должны были происходить на периферии, в низовьях главных среднеазиатских рек, почему из обзора географических областей вдруг выпадает название Согдианы – реального центра Среднеазиатского междуречья, имеющего вполне конкретное стратегическое значение? Может быть, потому, что Туран – это не только Хорезм, но и Согдиана, а область Канг – Самаркандский Согд? В этой связи желательно было бы внимательнее присмотреться к результатам археологических работ на городище Коктепа, что находится на расстоянии около 25 км к северу от Самарканда. Нижние слои памятника включают комплекс культуры расписной керамики VIII–VII вв. до н.э. (по С14), верхний слой относится к ахеменидскому периоду вплоть до греческого завоевания в конце IV в. до н.э., когда жизнь в городе прекратилась. Исследователи памятника предполагают, что Коктепа – это упомянутая Аррианом «басилея Согдианы», т.е. столица Согдианы, куда из Самарканда вынужден был отступить Спитамен (Исамиддинов 80, Рапен, 1999, с. 78). Вполне возможно, что текст Арриана не подвергся искажениям, и в Согдиане была столица ахеменидского времени — Самарканд (городище Афрасиаб) и столица доахеменидская «басилея Согдианы» (городище Коктепа), которая когда-то являлась резиденцией Афрасиаба, главным городом области Канг и всего Турана.

В античной традиции турам соответствуют массагеты (17), для которых исследователи находят археологическое соответствие в виде специфических

погребальных конструкций — каменных склепов в юго-восточном Прикаспии (Мандельштам, 1984, с. 174). Вероятнее всего, ареал расселения массагетов предопределил локализацию области Канг в западной части Средней Азии, но аналогичные захоронения в каменных склепах имеются и на территории Ферганской долины, причем сосуды из могильника Даштиашт изготовлены и украшены росписью в лучших традициях общности лепной расписной керамики (Салтовская, 1978).

Исходных данных явно недостаточно и пока с определенной долей вероятности можно утверждать только то, что на позднем этапе археологический комплекс расписной керамики в Западном Туркестане был присущ не только древним тохарам, но и еще одному, по сути, неизвестному народу под названием туры или массагеты.

«Тохарская проблема» и «туранский язык»

Конечно, нам не дано знать, на каком языке говорили туры, или массагеты, или дахи, но по отдельным пассажам «Гимна Хварно» «Авесты» понятно, что не на иранском. Во всяком случае, когда в пылу гнева царь Турана Афрасиаб (Франхрасьян) переходил на родной язык, арии воспринимали его речь как абракадабру (Яшт 19, VIII, с. 138). В то же время, никак нельзя признать туранский язык тохарским, можно лишь предполагать их тесное родство. Конечно, проще всего было бы считать язык туров – массагетов одним из древнеиранских, как, впрочем, чаще всего и делается. В пользу такого заключения как будто свидетельствует тот факт, что наиболее ранние контакты тохарского с иранским восходят приблизительно к I тыс. до н.э. и связаны не столько с авестийским языком, сколько с каким-то неизвестным древнеиранским диалектом, вероятнее всего, далеким предком современного осетинского (Pinault, 2002, с. 245). Конечно, никто и не думает отрицать контакты тохаров с древнеиранскими племенами, но для нас особенно важен факт языкового взаимодействия тохарского с авестийским иранским, что подтверждает проникновение носителей тохарского языка на юг Средней Азии уже в эпоху поздней бронзы – раннего железа. В археологии этот процесс виден в появлении на юге Средней Азии культуры расписной керамики типа Яз I в ареальной близости с культурой Яз II. Но когда мы говорим о связях тохарского и туранского, речь должна идти не просто о контактах на уровне обычного словарного обмена, а очень близком родстве двух языков. И вот какие данные хотелось бы привести по этому поводу.

В ходе новейших исследований в области сравнительного языкознания выявляется некий неизвестный центральноазиатский язык. Г. Карлинг, отмечая установленный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н.э. ***В результате обнаруживается ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка–донора, существовавшего некогда в Центральной Азии*** (Carling, 2005, сс. 52–54, 66) (18).

Много раньше Т. Барроу на основании изучения документов III в. из города Ния – столицы государства Крорайна (Лоулань) пришел к выводу о возможности существования в южных областях бассейна р.Тарим третьего тохарского языка – тохарского С (Vigow, 1935, с. 675). В северо-западном пракрите светских документов из Нии, названном Т. Барроу “krogianic” (крорайни), в отличие от соседнего Хотана, зафиксировано влияние субстратного, как предполагалось, тохарского языка. Кроме того, засвидетельствовано более тысячи имен собственных и около сотни слов, происходящих (или родственных) из тохарских языков А и В (Воробьева-Десятовская, 1984, сс. 68–69).

В раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке выявлены заимствования из тохарских диалектов, относящиеся, по-видимому, к I тыс. до н.э. Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» (Иванов, 1992, с. 14).

Всем историкам Центральной Азии прекрасно известна острая полемика по поводу происхождения суффикса -šk- в именах кушанских правителей Канишка, Хувишка и Васишка (см. Захаров, 2002). Вяч.Вс.Иванов предлагал объяснить появление суффикса -šk- в Бактрии происхождением из тохарского, но встретил резкое несогласие со стороны специалистов по иранскому языкознанию. По их мнению, иранские этимологии лучше подходят для перечисленных имен, хотя и не подтверждаются на материалах собственно бактрийского языка, в котором этот суффикс отсутствует (Иванов, 1992, с. 19). Но не содержится ли и в этом случае намек на все тот же загадочный центральноазиатский язык, должно быть, занимавший промежуточное положение между тохарскими и иранскими языками.

Если бы археологу было позволено стать лингвистом, то по аналогии с историческими данными о Туране следовало бы назвать неведомый вымерший язык «туранским» (19). И, наверное, нет для него иного места в системе индоевропейских языков, кроме отнесения к южной группе наряду с греческим, армянским, иранским, индийским и, конечно, фракийским и фригийским. Последний из перечисленных языков был особенно близок тохарскому, как, впрочем, и иранскому, а если бы мы знали больше о фракийском языке, то, думается, можно было бы сопоставить «туранский» язык и с фракийским или гипотетическим древним фрако-фригийским диалектом (20).

С археологической точки зрения не видится никаких противоречий в предположении о тохарской атрибуции культурно-исторической общности лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа. Признаки комплекса расписной керамики периодически обнаруживаются в археологических материалах Средней Азии разных эпох и обычно связаны с передвижением племен из Восточного Туркестана. Разумеется, не только тохары принимали участие в этих процессах, поскольку со временем, приблизительно с начала I тыс. до н.э., на территории Западного Туркестана данный археологический комплекс (типа Яз I) становится присущ не только предкам исторических тохаров, но и тому народу, который именуется турами или массагетами. Если рассматривать в динамике все предшествующие штурму Греко-Бактрии события с учетом археологических данных, напрашивается вывод о постоянно усиливающемся симбиозе двух народов, из которых Ханьскому Китаю были лучше известны их ближайшие соседи «юечжи» (туры, массагеты), а средиземноморским цивилизациям – тохары. Вполне вероятно, что существующая до сих пор в историографии двусмысленность относительно идентичности «больших юечжи» китайских источников II в. до н.э. и «тохаров» (вкуче с прочими) классических античных отражает конкретные исторические реалии. Во всяком случае, после массового исхода «больших юечжи» из Восточного Туркестана во II в. до н.э., в котором, несомненно, какая-то часть тохаров также принимала участие, последние еще долго оставались на прежнем месте, о чем мы можем уверенно судить по находкам тохарских текстов в Синьцзяне. В Западном Туркестане туранский язык полностью растворился в восточноиранской среде, оставшиеся в Китае его носители – «сяо юечжи» были поглощены гуннскими и тибетскими племенами, в то время как последние носители последнего тохарского языка были полностью ассимилированы тюркскими народами, прежде всего, предками современных уйгуров.

Последнее по времени появление культуры лепной расписной керамики в Западном Туркестане относится к рубежу X–XI вв., когда основанный в Восточном Туркестане Караханидский каганат, свергнув династию Саманидов, подчинил своей власти Мавераннахр. В самом начале XI в. на всей территории Средней Азии вдруг снова, как и 2000 лет назад, появляется лепная расписная посуда, что не поддается никаким разумным объяснениям. Более того, возникла даже мода на подобную продукцию, и городские ремесленники украшали росписью сосуды, изготовленные на гончарном круге. Все становится на свои места, если мы вспомним, что последние по времени тохарские тексты в Синьцзяне датируются X и, вероятно, даже XI в. (Carling, 2005, с. 47–48), и тогда, конечно, столь неожиданное возобновление традиции расписной керамики связано с вольным или невольным переселением в Среднюю Азию потомков исторических тохаров. Этот народ, создавший когда-то уникальную и крайне консервативную культуру и в течение многих столетий строго придерживавшийся ее канонов, уже даже потеряв, наверное, свой родной язык и находясь на грани полного исчезновения, сумел сохранить последнее из того, что досталось ему в наследство от предков – древнейшие и весьма своеобразные технологические приемы. Одним из проявлений исторической памяти тохаров и непременным атрибутом их культуры во все времена было изготовление лепной расписной керамики.

Сноски

1. Определение Средняя Азия подразумевает территорию Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизстана и южной части Казахстана – то, что раньше называлось Западный Туркестан.

2. Подробный обзор см.: Умняков, 1940.

3. Китайские археологи, раскапывавшие могильник Кээрмуци, датировали его III в. до н.э. – III в. н.э.

4. Первооткрыватель чувстской культуры М.Э. Воронец датировал ее III–II тыс. до н.э. Надо сказать и о калиброванных радиоуглеродных датах чувстской культуры, самые ранние из которых относятся к концу III тыс. до н.э. (Заднепровский, 1997, сс. 72–76).

5. Не вполне удачное определение «культура расписной керамики» понимается условно, поскольку количество сосудов с росписью обычно составляет 1–5 % всего комплекса керамики.

6. В Средней Азии местонахождений керамики типа Яз I, похоже, нет только там, где ее не искали.

7. Также в Ташкентском оазисе могли быть бургулюкские поселения, датирующиеся гораздо более ранним временем, чем начало I тыс. до н.э.

8. Можно также вспомнить хорошо известный среднеазиатским археологам рецидив производства так называемой «псевдотрипольской» посуды в период с рубежа X–XI до середины XII в. н.э., охвативший тогда всю территорию Мавераннахра и сохранившийся в отдаленных горных районах вплоть до нашего времени.

9. Судя по отрывочной информации, раньше возле Майдатепы находили древние разрушенные захоронения: «В 1973 г. Э.В. Ртвеладзе, проводивший разведку в округе древнеземледельческих поселений Бандыхана, обратил внимание на находки человеческих костей на прилегающих к оазису естественных холмах» (Сагдуллаев, 1990, с. 34).

10. Вероятнее всего, центром производства станковой посуды, поступавшей в Бандыхан, являлись поселения Миршадинского оазиса Моллали и Буйрачи в дельте р. Халкаджар в 40 км к северо-востоку.

11. Во избежание недоразумений приходится повторяться: роспись наносилась по светлому фону, а не по красному (Заднепровский, 1997, с. 97).

12. Вероятно, наличие расписного сосуда в материалах из раскопок Нади-Али явилось когда-то основанием для предположения о восточноиранской атрибуции общности Яз I, хотя сомнения в верности данного положения у самих приверженцев этой теории возникали неоднократно.

13. Возможно, что на восточной окраине территории бактрийско-маргианской культуры эпохи бронзы (например, в районе Денау или северо-восточном Афганистане) последовательность развития культуры от БМАК к Яз II пресекалась не настолько резко или вовсе не прерывалась. К примеру, в Денауском районе вообще не выявлено ни одного памятника Яз I, найдено только два фрагмента расписной керамики. В упомянутом выше поселении Буйрачи разрыва традиции БМАК не замечено (см. Сагдуллаев, 1989, с. 62).

14. Ш. Б. Шайдуллаев связывает появление комплекса Яз I с миграцией нового этноса, впоследствии полностью растворившегося в среде местного населения (Шайдуллаев, 2000, с. 87).

15. В это же время в Средней Азии появляются сакские племена, определившие восточноиранский вектор языкового развития.

16. Современный исследователь, конечно, вправе сомневаться в исторической достоверности информации, переданной в XI в. великим Фирдоуси.

17. Возможно, другое название массагетов – дахи, жившие около сер. I тыс. до н.э. в Прикаспии по соседству с хорасмийцами, «хотя основное ядро этого объединения находилось еще в степях за Сырдарьей» (см. Щеглов, 2006, с. 310). Многие исследователи придерживаются сформулированной еще в 20-е гг. XIX в. версии А. Rémusat – J. Klaproth о тождестве массагетов и больших юечжи (Franke, 1904; Толстов, 1948, с. 242–245).

18. В известной дискуссии И.М. Дьяконова с Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым приводится китайское слово *lac* «молоко (творог, сыр, масло)», восходящее не к тохарскому, а к древнему общеиндоевропейскому *Grag* «молочный продукт» (Дьяконов, 1982 (II), с. 22–23; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 120). Вероятно, происхождение китайского слова для обозначения молочного продукта также следует объяснить влиянием этого неизвестного языка.

19. Судя по документам из Крорайны, «туранский» язык исчез раньше тохарских, можно предполагать, что приблизительно в одно время с тохарским А, наверное, не позднее середины I тыс. н.э.

20. Специалистам по сравнительному языкознанию и просто историкам можно адресовать целый ряд довольно странных совпадений, каждое из которых, само по себе, значит мало или не значит ничего, но вместе они образуют некую закономерность. Обращает на себя внимание избирательность культовой тематики греко-бактрийского времени, когда из всего античного пантеона особую популярность приобрели якобы эллинские божества, но почему-то фракийского происхождения. То же относится и к музыкальным инструментам, которые когда-то в Элладу попали из Фракии, но в Средней Азии были известны задолго до прихода греков. Название фракийского племени одрисов совпадает с названием бактрийского племени, возле одрисов в Родопских горах жили бессы, что звучит так же, как имя Бесса – наместника Ахеменидов в Бактрии конца IV в. до н.э. Непосредственно к тематике этой статьи относится сопоставление, которое, насколько известно, никто никогда не делал: самоназвание фригийцев и области Фергана, и лучше не в китайской передаче, а в согдийской, имеющейся в документах с горы Муг.

Использованная литература

Авеста. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии проф. М.И. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.

Алексеев В.П. Антропологический очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. М., 1992, сс. 388–405.

Антонова Е.В. Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б.А. Литвинского. М., 1984, сс. 55–60.

Аскараров А.А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, сс. 34–37.

Аскараров А.А. Южный Узбекистан во II тысячелетии до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, сс. 167–179.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 3. Новосибирск, 1998, сс. 60–72.

Варенов А.В. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // *Древности Алтая*. Известия лаборатории археологии № 4. Горно-Алтайск, 1999, сс. 53–59.

Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б.А. Литвинского. М., 1984, сс. 61–96.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В. В. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов – с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // *ВДИ*. 1981. № 2, сс. 11–33.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (по поводу статей И.М. Дьяконова в *ВДИ*, 1982, № 3 и 4) // *ВДИ*. 1984. № 2, с. 107–122.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // *ВДИ*. 1989. № 1, с. 14–39.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории юго-восточной Европы. Киев, 1969.

Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Т., 1982.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // *ВДИ*. 1982. № 4, с. 11–25.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. *МИА*. № 118. М. – Л., 1962.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.

Захаров А.О. К проблеме происхождения юечжей // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XII. Москва–Магнитогорск, 2002, с. 447–455.

Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б.А. Литвинского. М., 1992, с. 6–31.

Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Т., 2002.

Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // *ИМКУ*. Вып. 30. Т., 1999, с. 68–79.

ИТН – История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н.э. Под редакцией Б.Г.Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1963.

ИТН – История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под редакций Б.А.Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998.

Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // *СА*. 1960. № 4, с. 244–266.

Ковалев А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // *Археолог: детектив и мыслитель*. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. Санкт-Петербург, 2004, с. 249–292.

Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность) // *ВДИ*. 1972. № 1, с. 131–147.

Кузьмина Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) и ее этническая атрибуция // *Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации: Материалы Международной научной конференции*. Мары, 2006, с. 178–180.

Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.–СПб., 2008.

Литвинский Б.А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // *ВДИ*. 1967. № 4, с. 118–137.

Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)*. М., 1981, с. 154–166.

Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи*. Под редакцией Б.А. Литвинского. М., 1984, с. 4–28.

Лушпенко О.Н. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи // *Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры)*. Под редакцией З.И. Усмановой. Т., 1990, с. 24–29.

Мандельштам А.М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 1984, с. 173–177.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // *МИА*. № 73. М.–Л., 1959.

Массон В.М. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана // *Туркменистан в эпоху раннежелезного века*. Ответственные редакторы В.М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, 1984, с. 5–12.

Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // *Бактрийские древности*. Л., 1976, с. 93–103.

Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // *Труды Байсунской научной экспедиции*. Вып. 3. Т., 2007, с. 67–95.

Сагдуллаев А.С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // *СА*. 1985. № 4, с. 21–32.

Сагдуллаев А.С. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // *СА*. 1989. № 2, сс. 49–65.

Сагдуллаев А.С. К изучению культовых и погребальных обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа // *Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры)*. Под редакцией З.И. Усмановой. Т., 1990, сс. 29–38.

Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // *КСИИМК*. М., 1978. Вып. 154, сс. 95–98.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.

Сарианиди В.И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, сс. 180–191.

Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // *Петербургский археологический вестник*. 1993. № 4, сс. 25–30.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Умняков И. Тохарская проблема // *ВДИ*. 1940. № 3–4, сс. 181–193.

Филанович М.И. Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Таш-кента // У истоков древней культуры Ташкента. Т., 1982, сс. 91–124.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. 2. М., 1960.

Хлопина Л.И., Хлопин И.Н. К происхождению комплекса Яз-Тепе I Южного Туркменистана // *СА*. 1976. № 4, сс. 200–203.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1983, сс. 81–99.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Т., 2000.

Щеглов Д.А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // *ЗВОРАО*. Т. II (XXVII). СПб., 2006, сс. 276–316.

Яблонский Л.Т. Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа // *Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович*. М., 2005, сс. 776–791.

Anthony, D.W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders of the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton University Press, 2007.

Burrow, T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan // *JRAS*. Cambridge, 1935, p. 667–675.

Carling, G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language // *Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles November 5–6, 2004*. Journal of Indo-European Monograph Series, No 50. Edited by: Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, Miriam Robbins Dexter. Institute for the Study of Man. Washington, DC 2005, p. 47–71.

Casal, J.–M. Fouilles de Mundigak. II volumes. *MDAFA* Tome XVII. Paris, 1961.

Chen, Kwang-tsun & Hiebert, F. T. The Late Prehistory of Xinjiang in Relation to Its Neighbours // *Journal of World Prehistory*. 1995. Vol. 9. No. 2, p. 243–300.

Debaine-Francfort, C. Archéologie du Xinjiang des origines aux Han. Première partie // *Paléorient*. Vol. 14/1, 1988, p. 5–29.

Debaine-Francfort, C. Archéologie du Xinjiang des origines aux Han. Deuxième partie // *Paléorient*, Vol. 15/1, 1989, p. 183–213.

Debaine-Francfort, C. *Xinjiang and Northwestern China around 1 000 BC: Cultural Contacts and Transmissions*

// Migration und Kulturtransfer: Der Wandel Vorder- und Zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, p. 57–70.

Francfort, H.-P. The Cultures with Painted Ceramics of South Central Asia and their Relations with the Northeastern Steppe Zone (late 2nd – early 1st millenium BC) // Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, p. 221–235.

Franke O. Beiträge aus Chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904.

Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan (rapport préliminaire) // Revue des arts asiatiques. Annales du Musée Guimet. Tome XIII (1939–1942), Paris, 1939, p. 10–22.

Gnoli, G. Zoroaster's Time and Homeland. A Study on the Origins of Mazdeizm and Related Problems. Naples, 1980.

Gnoli, G. Avestan Geography // Encyclopædia Iranica. Vol. III. Edited by Ehsan Yarshater. London-New York, 1989, p. 44–47.

Görsdorf, J. Information zu den 14C-Datierungsergebnissen von Majdatepa (Bandixon I) // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Т., 2007, с. 132.

Görsdorf, J. und Parzinger, H., Nagler, A., Leont'ev, N. Neue 14C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua 4, 1998, p. 73–80.

Kohl, Ph. L. Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris, 1984.

Li, Shuicheng. The Interaction between Northwest China and Central Asia During the Second Millennium BC: an Archaeological Perspective // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Edited by K.Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, p. 171–182.

Mair, V. H. Genes, Geography, and Glottochronology: The Tarim Basin during Late Prehistory and History // Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles November 5–6, 2004. Journal of Indo-European Monograph Series, No 50. Edited by: Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, Miriam Robbins Dexter. Institute for the Study of Man. Washington, 2005, p. 1–46.

Mallory, J. P., In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989.

Mallory, J. P., Mair, V. H. The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London, 2000.

Masson, V. M., Sarianidi, V. I. Central Asia: Turkmenia Before the Achaemenids. London, 1972.

Mei, Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its Cultural Context and Relationship with Neighbouring Regions. *BAR International*. Series 865, 2000.

Mei, Jianjun & Shell, C. The Existence of Andronovo Cultural Influence in Xinjiang During the 2nd Millenium BC // *Antiquity* 73 (1999), p. 570–578.

Mei, Jianjun & Shell, C. The Iron Age Cultures in Xinjiang and their Steppe Connections // Ancient nteractions: East and West in Eurasia. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, p. 213–234.

Pinault, G.-J. Tocharian and Indo-Iranian: Relations Between Two Linguistic Areas // *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Proceedings of the British Academy, 116. Edited by Nicholas Sims-Williams. Oxford, 2002, p. 243–284.

Pulleyblank, E. G. Chinese and Indo-Europeans // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1–2. London, 1966, p. 9–39.

Pulleyblank, E. G. The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times // *The Origins of Chinese Civilization*. Edited by D. N. Keightley. Berkeley/Los Angeles, 1983, p. 411–466.

Pulleyblank, E. G. Why Tocharians? // *JIES*, Vol. 23, Nos. 3-4 (Fall/Winter 1995), p. 415–430.

Pumpelly, R. W. Explorations in Turkestan: Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau: Origins, Growth, and Influence of Environment. Washington, 1908.

Renfrew, C. The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: A View from the West // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Vol. 1. Edited by V. H. Mair. Philadelphia, 1998, p. 202–211.

Stein A., K.C.I.E. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Īrān. Vol. I–II – texts, III–IV – plates and planes, V – maps. Cosmo Publications, New Delhi – India, 1981.

Tarasov P., Jin, Guiyun, Wagner, M. Mid-Holocene environmental and human dynamics in northeastern China reconstructed from pollen and archaeological data // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2006. No. 241, p. 284–300.